

5 Литература и

Ф. И. ШАЛЯПИН В ПЛЕСЕ

Сенью 1908 года в нашем доме появился граммофон. В те времена в особенности в глухом, захолустном Плесе, это была исключительная новинка и редкость.

Граммофон привезли с нижегородской ярмарки. Дядя Виктор, кузнец, охотник и гармонист, торжественно поставил на стол лакированный музыкальный ящик, прикрепил к нему огромную, граненую и светлую трубу, достал тонкую пластинку, похожую на овальное черное зеркало, и бережно повернул упругую металлическую ручку...

— Вот штука, так штука!.. — сказал он с восхищением.

Пластинка плавно и быстро закружилась, в трубе красиво и четко раздалось: «Ехал казак за Дунай» — и по комнате полились тростные и теплые звуки старинного марша. За ними зазвучали арии из опер Чайковского и Римского-Корсакова, широкие и раздольные русские песни, тревожные и страстные цыганские мелодии Вари Паниной. Потом, как бы затолкая комнату великодушным золотым гулом, послышалось могучее и просторное «Вниз по матушке по Волге». Чудесный голос, выговаривающий эти слова, был предельно силен и одновременно мягко-перуч и свободен. Он легко покрывался, но не заглушался согласным и стройным распеваем хора: «По широкому раздолью...» Создавалось не только слуховое, но и осязательно-зрительное впечатление волжской «погодушки», волжской бури, шумно гудевшей в надежных и необоримых парусах.

— Шалыпин поет, наш брат, волжанин, простолодин, — сказал с дрожью в голосе дядя Виктор. Он улыбнулся и, по-детски сияя глазами, добавил: — Другого такого певца во всем мире нету...

Слава Федора Шалыпина, звучавшая тогда по всей стране, долетела и до нашего города.

— Шалыпина, Шалыпина! — неустанно просили из толпы, слушавшей по праздничным дням граммофон под окнами нашего дома.

Местный врач Ф. П. Чокалов нередко говорил с задорной улыбкой:

— Наградит же всевышний человека таким горлом. Не горло, а золотая кузница.

Даже размалеванные ярмарочные «гудонники» не обходились в своих «кушетах» без имени великого артиста:

«Есть у нас певец, Шалыпин Федя,
Голос басовитее медведя...»

И вот неожиданно Шалыпин летом 1912 года приехал в Плес.

Был синий и ясный июльский день, густо и мягко заяснели на горах тяжелые и знойные березы, легко и нежно белели между ними нарядные девичьи платья. На базарной площади, пахнувшей земляничкой и ситцем, горько пела шарманка. По Волге — от Костромы — плыл розовый «самолет» (так назывались тогда пароходы акционистов «Самолет»). Поворачиваясь с пристанью, он загудел, стал широкий и просторный по-

ворот. На пристани заремели сходни. С парохода, вместе с купцами, мужиками и дачниками, сошел великан в зеленой охотничьей куртке, в альпийской шляпе с пером, в длинных болотных сапогах. Он остановился у борта пристани, посмотрел на старые, ослепленные солнцем дома, на крутые горы, уходившие в мгlistосиреневое небо, и негромко, про себя, пропел:

— Невольно к этим грустным берегам

Меня влечет неведомая сила.
Его крупное, типично-русское лицо, выбритое до голубизны, было бесстрастно. В больших серых, очень умных глазах вспыхивали лукавые искорки.

Он неторопливо прошел по базарной площади, купил сразу 5 фунтов семечек и, привычно лгузая их, с улыбкой оглядывал любопытствующих мужиков и горожан.

— Горло, значит, полирует, — сказал лавочник.

— Полно, дураково поле, — перебил другой голос. — Горло полируют не семечками, а волжкой... Понял?

Шалыпин весело расхохотался и, побрякивая тростью, пошел какой-то широкой, вельможной походкой по нижней улице, заросшей густыми серебристыми тополями. В понеках квартиры он зашел в один купеческий дом. Хозяйка, молодая женщина в голубом батистовом платье, встретила его неприветливо.

— Комнат под постой не отдаем, поищите у кого-нибудь победнее.

— Простите, мадам, но мне хотелось бы найти хорошую комнату. Притом — всего на несколько дней. Я проездом... — Голос у него был очень густой, приятный, бархатный.

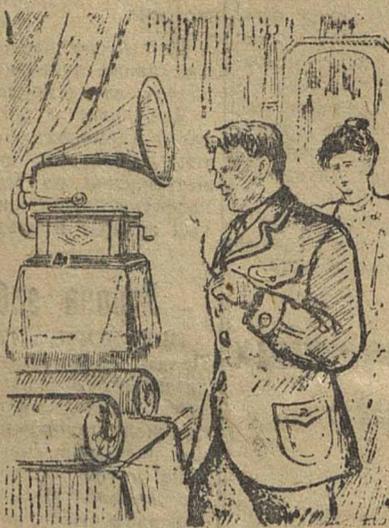
Женщина подумала.

— А сами из каких будете?
— Так сказать, страйствующий Мефистофель. Личность, не беспокойтесь, вполне почтенная и даже несколько известная.

Гость, улыбаясь, прошел в дом. Смущенная и растерянная хозяйка пошла за ним. Звонкая, в хрустале, люстра, штофные кресла в чехлах, расшитых розанами и петухами, «горка» с фарфором и бронзой, на лакированном столике — граммофон (к этому времени он был уже во многих купеческих и чиновных домах).

— Совсем прелестно! — сказал гость, опускаясь в кресло.

Хозяйка, раздражаясь, ответила:

«На земле весь род людской читит один кумир священный... — запел в трубе сильный и звучный, оглушающий голос.»
Рис. Б. Лукина.

— Вам уже сказали, что комнаты у нас не сдаются.

— Тогда разрешите хотя бы поинтересоваться с граммофонными пластинками?

— На земле весь род людской читит один кумир священный... — запел в трубе сильный и звучный, оглушающий голос.

— Позвольте, я вовсе не расположен слушать, — опять заволновалась хозяйка. — И кто вы такой, конше-концов?

Гость, мгновенно остановив граммофон, неожиданно продолжила прерванную арию:

— Люди гибнут за металл...
Сатана там правит бал...

Тот же напев, и тот же, только еще более чистый и красивый, голос.

Женщина сразу преобразилась — на лице ее проступили удивление, неверие, восторг.

— Простите, — уже радушно и ласково спросила она, — вы, вы?..

— Вы не ошиблись, мадам. Я — Шалыпин!

И певец сделал почтительный, изысканный поклон...

Слух о Шалыпине быстро разнесся по городу. За ним уже ходила целая толпа. Просили, конечно, спеть, но он с улыбкой показывал на горло, отказывался, шутил... Потом его увез с собой помещик А. С. Шулейников, пожилой и стройный щеголь в дворянской фуражке и ладной русской поддежке. Шалыпин купил у него дачу.

***

На другой день, в сумерки, возвращаясь с охоты, я проходил погородным парком, мирно дремавшим над Волгой. Волга, вся зеркальная, смугло золотилась от низкого солнца. Было очень тихо, только вскрикивала где-то олянокая чайка, и гулко, не нарушая, однако, тишины, разносился стекляннокрутой плеск паровых колес. И вдруг в этой тишине раздался мощный, свободный и легкий голос.

— «Из-за острова на стрежень», — вдохновенно пел этот волшебный голос, и знакомая, повсюду распеваемая в те годы песня показалась незнакомой и новой, неисчерпаемо прекрасной в своей звуковой и образной свежести. Так преобразил и утончал ее дар великого артиста.

Я быстро прошел тропинкой среди лип, вышел к усадебному дому. Шалыпин пел, стоя на балконе. Он был в русской рубахе из желтого

шелка, руки его были сложены на груди. Огромная голова его, чем-то напоминавшая голову тигра, была чуть запрокинута, глаза — чуть прищурены от солнца. Около него, на столике, стояли пышные пунцовые пионы. Его слушали — с холодной и почтительной вежливостью — несколько мужчин в чесучевых костюмах, несколько дам, с аппетитом евших вишни. Только какая-то барышня с розой в смоляных волосах не спускала с Шалыпина восторженных синих глаз...

Потом к балкону стали подходить деревенские парни и девичьи. На их лицах была непосредственная, удивленная радость. Шалыпин, возбужденный от пения, сошел с балкона, тихо прошелся среди деревенской толпы. Лицо его в этой толпе казалось совсем простонародным. Ласково и мягко светились его глаза.

— А ну, братцы, споем хором, — весело сказал Шалыпин. И, размахивая руками, как бы дирижируя, запел с незабываемой русской задумчивостью:

Среди долины ровные,
На гладкой высоте...
И согласно, сначала нестройно, потом все далее и музыкальнее ему ответил с той же глубокой задумчивостью:
Стоит — растет высокий дуб
В могучей красоте...

***

Под Плесом, по течению Волги, тянутся привольные долины и тенистые овражки, полные по весне соловьев и ластышей. Над ними круто возвышаются горы, обросшие густым и частым ельником. На одной из этих гор стоит усадьба «Порошино», напоминающая старинную картину: витые колонны, широкий балкон, цветные «нижние» стекла в «итальянских» окнах. Кусты жасмина и шиповника подступают к самым окнам старого дома. Тихо шумят над ним вековые липы. В конце липовой аллеи розовеет другой усадебный дым — бывшая дача Шалыпина.

Оба эти дома давно уже стали местами отдыха ивановских рабочих.

Нынешним летом они снова наполнятся людьми трудовой и военной доблести.

Нарядно забелеют в парке легкие летние платья. Быстро заскользят по Волге смоленые голки. Золотые утра будут радовать росой, прохладой, свежестью, лунные сумерки — сухим теплом хвоя и ржи.

Хорошо разливаются в лунной тишине звуки радио.

По радио часто звучит неумирающий голос Федора Шалыпина.

Шалыпин, в годы расцвета, черпал свою силу и мощь из недр родной земли, и потому его голос с предельной яркостью воплощает в себе гений, величие и непобедимость русского народа.

Ник. СМЕРНОВ.